

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
----------------	---

Часть первая

НАЧАЛО ХАНСКОГО ПРАВОСУДИЯ

§ 1. Расправа Чингис-хана с Сача-бэки как начало эпохи ханского правосудия	19
§ 2. Судебная практика в государственной политике Чингис-хана (<i>в соавторстве с Ю.И. Дробышевым</i>).....	25
§ 3. Джучи и защитники Хорезма: жестокость или правосудие?	42
§ 4. Правосудие для всех: судебная практика хана Угедэя	56

Часть вторая

ХАНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ В ДЕЙСТВИИ

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.....	69
§ 5. Дело Фатимы-хатун	69
§ 6. Дело о заговоре против хана Мунке	74
§ 7. Победенные перед судом победителей: суд над мятежниками на пространстве Монгольской империи	82
Дело Арик-Буги	84
Дело Борака	88
Дело Наяна	92
Дело Байду	94
§ 8. Расправа или суд? К вопросу о приходе к власти золотоордынского хана Токты.....	97

ГЛАВА II. ДОЛЖНОСТНЫЕ И ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	107
§ 9. Казнь джучидских военачальников ильханом Хулагу	107
§ 10. Процессы по делам о воинских преступлениях в монгольском Иране.....	116
§ 11. Дело Рашид ад-Дина	125
§ 12. Суд Тамерлана	131

§ 13. «По законам военного времени»: правосудие хана Кучума.....	140
ГЛАВА III. ОСОБЫЕ КАТЕГОРИИ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА	146
§ 14. Ханши и правосудие	146
Правительницы перед судом	147
Правительницы-судьи	152
§ 15. Суд после смерти: дело Ахмада Фенакети	158
§ 16. Вассальные правители	164
Сельджукские султаны и сановники перед судом золотоордынского правителя Бату	165
За грехи покровителей: суд над уйгурским идикутом Салынды и грузинским царем Деметре II	176
Дело об измене сюзерену: суд над Муин ад-Дином Перване	186
§ 17. Иностранцы	195
Крымские торговцы против Венеции	195
Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием русского посольства.....	209
«Смерть шпионам» — 1: суд и казнь Ч. Стоддарта и А. Конолли в Бухаре	217
«Смерть шпионам» — 2: к вопросу о гибели Адольфа Шлагинтвейта в Кашгаре	235
ГЛАВА IV. ИСТОЧНИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	242
§ 18. Ярлык о назначении эмира яргу <i>(в соавторстве с Л.Ф. Абзаловым, М.С. Гатиным, И.А. Мустакимовым)</i>	242
§ 19. Статус судей Сыгнака в грамотах казахских ханов и султанов.....	262
§ 20. Нетипичные источники судебных решений в практике центральноазиатских правителей XVI–XIX вв.	272
Принцип Ясы, подкрепленный шариатом	272
Историческое сочинение как источник права	276
Мусульманское благочестие казахского хана	279
§ 21. Суд и процесс в памятниках традиционного монгольского права XVI–XVIII вв.	283
ГЛАВА V. СУД И СУДЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОСТЕЙ И ПОТОМКОВ	294
§ 22. Суд Идигу: эпическая традиция и историко-правовые реалии	294

---

§ 23. Суд и правосудие в «Записках» Бабура	301
§ 24. Суд и процесс в монгольских «хождениях в ад»	308
§ 25. Суд и процесс в ойратских сказках (на примере цикла об Аргачи) (в соавторстве с Д.А. Носовым)	315
§ 26. Суд и судьи в тюркских и монгольских поговорах и пословицах	328

Часть третья

КРИЗИС ХАНСКОГО ПРАВОСУДИЯ

§ 27. Кого могли и кого не могли судить Гирей?	339
§ 28. Суд над султаном Бараком и кризис ханского правосудия в Казахской степи	347
§ 29. Элементы монгольского и маньчжурского процесса в делах об убийстве в Халхе конца XVIII в.	358
§ 30. Суд ханский и суд имперский: дело султана Внутренней Орды Каипгали Ишимова.....	368
§ 31. «Арз» в Хиве XIX — начала XX в.	378

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	390
------------------	-----

ГЛОССАРИЙ.....	398
----------------	-----

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	403
---------------------------	-----

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	404
-----------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Правосудие с древнейших времен относилось к наиболее важным функциям монархов, правителей, иных представителей власти. Не случайно многие мусульманские правители на протяжении веков добавляли к своему имени эпитет «ал-адил», т.е. «правосудный», отображая его и на своих монетах: тем самым они сообщали о своей справедливости при разбирательстве судебных дел не только собственным подданным, но и иностранцам, в руки которых попадали такие монеты.

Конечно же, не были исключением и правители тюрко-монгольских государств Евразии, анализу суда и процесса в которых посвящена настоящая книга. Осуществление правосудия как властная прерогатива с древности являлось элементом статуса правителей тюрко-монгольских государств. При этом нельзя не отметить, что судебная власть не была «застывшей» и постоянно изменялась по мере трансформации как самих государств Великой Степи, так и правового положения их правителей внутри государства и на международной арене.

В тюркских кочевых государствах судебные полномочия правителей, по сути, не отличались от аналогичных полномочий родо-племенных предводителей, базирующихся на степных правовых обычаях [Бичурин, 1950, с. 49, 172]. Существенное изменение судебной компетенции правителей Великой Степи происходит в связи с объединением монгольских племен под властью Чингис-хана. Именно при нем постепенно ограничивается вольность отдельных родов и племен, особый статус их предводителей. А действия, которые ранее считались нормой в межплеменных отношениях, например взаимные нападения с целью ограбления стойбищ и угона скота, были объявлены преступлениями против государства и власти верховного правителя — хана. Ряд показательных судебных процессов Чингис-хана над своими родичами и другими влиятельными нойонами зафиксировал закрепление хана как высшей судебной инстанции в своем государстве [Козин, 1941, с. 114–116].

Для того чтобы подчеркнуть и закрепить столь радикальные изменения в судебной сфере, при Чингис-хане и его преемниках была

сформирована особая ветвь «ханской» судебной власти — при сохранении, впрочем, на региональном и локальном уровне суда кочевников по обычному праву, религиозного суда в местах компактного проживания приверженцев той или иной религии и проч. Прежде всего, хан не осуществлял свою судебную власть единолично: в Монгольской империи появилась система судов-яргу, которые разбирали дела и выносили решения на основе установлений Чингис-хана и его преемников — яс и ярлыков о назначении на должность [Золотая Орда..., 2009, с. 235; Хатиби, 1985, с. 104]. Эти нормативные предписания составили основу нового ханского (имперского) процессуального права, постоянно дополняемого также фиксацией ранее принятых судебных решений, которые, в свою очередь, могли послужить основой для последующих разбирательств [Козин, 1941, с. 160].

Специфика имперских судов вовсе не означала, что они создавались Чингис-ханом и его преемниками исключительно на базе собственных представлений о судебной власти. Безусловно, сам статус «государственных» судей был позаимствован из практики соседних государств (в первую очередь Китая). От соседних же народов (уйгуров Восточного Туркестана, мусульманских народов Средней Азии и др.) были унаследованы система делопроизводства, процессуальный порядок, механизмы исполнения судебных решений и проч. (см. подробнее: [Почекаев, 2018б, с. 92–104]). Вместе с тем все заимствования в сочетании с имперскими принципами права и суда позволяют говорить именно об особой имперской судебной системе.

Четкая иерархия судебных инстанций различного уровня — от единоличных судей до специальных судов при наместниках отдельных областей империи и ее преемников и до хана как высшей инстанции включительно — предполагала разграничение их компетенции. В то же время ханы сохранили древнюю традицию, позволяющую любому подданному обратиться непосредственно к суду монарха: она действовала как в Монгольской империи, так и долгие века после ее распада, сохранившись (по свидетельствам современников) в тюрко-монгольских государствах вплоть до начала XX в.

Единству судебной системы Монгольской империи и отдельных государств, выделившихся из ее состава (Золотая Орда, империя Юань, государство ильханов в Иране, Чагатайский улус), не противоречило создание и функционирование специфических судебных структур, которые либо изначально, либо со временем также становились частью общей «ханской» системы правосудия.

Например, в тех регионах Золотой Орды, население которых традиционно имело тесное взаимодействие с соседними народами и государствами в торговой сфере, получили распространение совместные суды для разбирательства споров подданных разных государств, состоявшие из представителей как ордынских властей, так и тех государств, из которых происходили другие участники разбирательства. Статус таких судов специально предусматривался и определялся ярлыками ханов Золотой Орды, в частности для Причерноморья и Приазовья.

В связи с принятием ислама в качестве государственной религии в Золотой Орде, Чагатайском улусе и Ильханате в XIV в. начался процесс постепенной интеграции судов на основе мусульманского права (шариата) в общегосударственные судебные системы этих государств. В результате кадии, которые ранее имели статус «локальных» судей, теперь становились частью официальной государственной судебной системы наряду с судьями-яргучи [Ибрагимов, 1988, с. 76; Радлов, 1889, с. 20–21], а к консультациям мусульманских правоведов и богословов (муфтиев, улемов, сейидов, шерифов) прибегали в процессе разбирательства дел и наместники областей, и, по некоторым сведениям, даже представители ханского рода [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 214].

Целый ряд факторов в конечном счете обусловил постепенное уменьшение роли ханского суда, которое в разных тюрко-монгольских государствах происходило в разное время и с разной интенсивностью.

Первым таким фактором стал распад Монгольской империи и выделившихся из ее состава вышеупомянутых государств, также обладавших статусом «степных империй». По мере ослабления центральной власти падал и престиж ханов из дома Чингис-хана, что соответственно приводило к сокращению их судебных прерогатив. С падением престижа ханов как верховных судей увеличивались роль и значение, во-первых, судов на основе обычного права (которые, как уже упоминалось, не исчезали и в имперский период), а во-вторых, судов на основе религиозного права. Со временем суд яргучи просто-напросто исчезает и представителями системы ханских судов фактически оказываются назначавшиеся монархами наместники областей, сочетавшие судебные властные полномочия с административными. Снижение статуса тюрко-монгольских государств от «имперского» к «региональному» заставил их монархов искать новые пути для сохранения своих судебных полномочий, со времен Чингис-хана

являвшихся их неотъемлемой прерогативой. В зависимости от видов государств, которыми они правили, монархи использовали разные механизмы для решения этой задачи.

Так, в кочевых государствах, где вновь стало доминировать обычное право кочевых племен Великой Степи, ханы сумели найти компромисс в отношениях с предводителями отдельных родов и племен и стали разбирать даже такие споры и преступления, которые ранее относились к компетенции исключительно родо-племенных подразделений, а не верховной власти. В то же время некоторые дела, ранее разбиравшиеся исключительно ханами, теперь могли стать предметом рассмотрения судей с более низким статусом — например, судом биев в казахских жузах (см., например: [Ерофеева, 2007, с. 401–402]). Новый порядок получил закрепление в особых кодификациях, в которых несколько причудливо, но в целом органично сочетались элементы прежнего имперского права и обычно-правовые нормы (а иногда и принципы религиозного права). Наиболее ярко этот процесс проявился в Казахском ханстве и монгольских государствах в XVI–XVIII вв.: до нашего времени сохранилась целая серия подобного рода кодификаций того периода (см. об этом подробнее: [Почекаев, 2018б, с. 116–127]).

В государствах оседлого (или полuosедлого) типа ведущим источником права становится мусульманское право, и ханам для сохранения своих судебных прерогатив приходится искать точки соприкосновения с развитой шариатской судебной системой — шейх-ул-исламами, муфтиями, кадиями и проч. В результате, хотя полномочия как самих ханов в судебной сфере, так и подчинявшихся им «государственных» судей оказались весьма существенно урезаны, монархам Чингисидам удавалось сохранять формально главенствующую роль в организации судебной деятельности в подвластных им государствах. Эта тенденция четко прослеживается в Крымском ханстве, от которого до нашего времени дошло наибольшее по сравнению с другими тюрко-монгольскими (в первую очередь джучидскими) государствами число правовых и процессуальных документов [Аметка, 2004, с. 8, 10; Рустемов, 2017, с. 158–159, 213, 225].

В других тюрко-монгольских государствах, где ислам являлся господствующей религией, ситуация нередко зависела от того, насколько прочной властью обладали их монархи и в каких отношениях они находились с местным духовенством. Так, в Бухарском ханстве эпохи Шайбанидов (XVI в.) ряд сильных и энергичных монархов, при номинальном признании главенствующей роли шариата, нередко прово-

дил собственную политику в судебной сфере, заставляя мусульманских правоведов даже находить религиозное обоснование ханским решениям, принятым на основе либо прежних имперских принципов, либо собственного усмотрения (см., например: [Исфакани, 1976, с. 59–60]). В Хивинском ханстве в начале XIX в. к власти пришла местная узбекская династия Кунгратов (лишь по женской линии связанная с родом Чингис-хана), первые монархи из которой также существенно укрепили свой статус как высшей судебной инстанции, заставив даже верховных мусульманских судей ханства признавать и поддерживать его [Муравьев, 1822, с. 59–63]. Однако подобные случаи являлись скорее исключениями, и, когда на смену решительным и авторитарным монархам приходили их менее энергичные преемники, реальные судебные полномочия ханов вновь сужались.

В еще большей степени ограничение судебных полномочий тюрко-монгольских монархов оказалось связано с утратой теми или иными государствами своего суверенного статуса.

Так, например, казахские владения в течение первой трети XVIII — середины XIX в. перешли под власть Российской империи, и уже с конца XVIII в. имперская администрация стала предпринимать шаги по реформированию судов, постепенно распространяя на них принципы российского законодательства, инкорпорируя в состав традиционных судов (в том числе под предводительством ханов и султанов из рода Чингис-хана) российских чиновников и т.д. После упразднения в казахских жузах ханской власти в 1820-е годы и власти окружных султанов в 1860-е годы говорить о системе «ханского» суда в Казахстане уже не приходится, сохранился лишь «народный суд» на основе обычного права, да и тот, благодаря усилиям имперских властей, по сути, превратился в низшую инстанцию общеимперской судебной системы с весьма ограниченными полномочиями.

Сходные процессы происходили в Монголии, оказавшейся с конца XVII в. под сюзеренитетом империи Цин. И хотя маньчжурские власти вплоть до падения самой Цинской династии сохраняли в Монголии институт аймачных ханов, их судебные прерогативы также были серьезно урезаны. Уже с XVIII в. в правовую и процессуальную сферу начинает постепенно вторгаться цинское право (номинально разработанное специально для монгольских «вассалов», но фактически отражающее значительное число общеимперских принципов). По мере усиления роли цинских наместников в Монголии возрастал и их контроль над деятельностью местных правителей во всех сферах, включая судебную. Наконец, во второй половине XIX в. цинские

власти официально закрепляют в своей компетенции наиболее серьезные уголовные дела, оставляя в компетенции монгольских правителей лишь незначительные правонарушения и частнопроводимые споры. В сохранившейся процессуальной документации того периода встречаются примеры, когда дело, начавшееся рассмотрением в суде монгольского правителя, впоследствии передавалось на суд маньчжурских чиновников — вплоть до центральных властей (в лице Палаты внешних сношений — Лифаньюань) [Erdenchuluu, 2014; Neuschert-Laage, 2017].

В результате в XIX в. происходит окончательный упадок того ханского суда, который был создан при Чингис-хане и его преемниках, пережил свой расцвет в XIII—XIV вв. и «по инерции» продолжал существовать в последующие века. Даже в тех государствах, которые (по крайней мере, юридически) не утрачивали свой суверенитет, ханский суд со временем стал больше напоминать некий фарс: монархи формально цеплялись за сохранявшиеся судебные прерогативы как символ былого величия своих государств и славы своих предшественников на троне, но сами при этом уже совершенно не представляли смысла этого суда и откровенно тяготились участием в нем. Представители российской имперской администрации в Средней Азии оставили записки о некоторых таких судах.

Например, в Кокандском ханстве накануне его падения (1875—1876 гг.) ханы, осуществляя суд над преступниками, откровенно и практически публично принимали взятки-подношения от родственников подсудимых, чтобы последние были либо оправданы, либо приговорены к менее суровому наказанию [Трионов, 1910, с. 133—135]. В Хивинском ханстве начала XX в. хан, осуществляя (согласно древнему обычаю) суд по искам обратившихся к нему подданных, даже не пытался делать вид, что вникает в суть дела, каждый раз объявляя, что судебное решение и его исполнение возлагает на своих сановников и проч. [Абдурасулов, 2015, с. 32—33].

Таким образом, суд монарха являлся характерной чертой правового развития тюрко-монгольских обществ — от собственно Монголии до западных тюркских государств (включая Османскую империю). Как и любое правовое явление, он пережил периоды становления, расцвета и наконец кризиса и упадка, оставив тем не менее весьма значительный след в истории государственности и права государств Евразийской Степи и оказав влияние на дальнейшее развитие судебной системы современных государств и народов Центральной Азии.

Нельзя сказать, что проблемы ханского правосудия не получили по состоянию на сегодняшний день освещения в исследовательской литературе. Однако, как правило, специалисты ограничиваются исследованием вопросов истории суда и процесса в конкретных тюрко-монгольских государствах¹.

Так, в ряде работ нашли отражение вопросы организации судебной деятельности в Монгольской империи [Вернадский, 1999, с. 132–133; Скрынникова, 2002; Дугарова, 2007; Порсин, 2023; Hodous, 2022]. Более того, имеются специальные исследования, посвященные татарину Шихи-Хутагу — сводному брату Чингис-хана, ставшему одним из первых верховных судей Монгольской империи [Минжин, 2011; Ratchnevsky, 1965].

Более подробно изучены различные аспекты истории развития суда и процесса в отдельных улусах Монгольской империи XIII–XIV вв. В последние годы появился ряд работ, посвященных проблемам организации суда в Золотой Орде (Улусе Джучи) [Почекаев, 2004; Сапронова, Ярошенко, 2018; Шургучиев, 2016; Шургучиев, Лиджиева, 2017; Якушева, Калашникова, 2017]. Кроме того, исследователи уделяют внимание проблемам суда и правосудия в монгольском Иране — государстве Хулагуидов [Lambton, 1988; Hope, 2016b; Vásáry, 2016a]. Ряд работ посвящен суду и судьям в империи Юань [Hodous, 2012/2013; 2017a].

Проблемы ханского правосудия в более поздних государствах, возникших после распада Монгольской империи и ее улусов-наследников, освещены в историографии в меньшей степени. При этом основное внимание уделяется либо вопросам религиозного (преимущественно мусульманского) правосудия или суда на основе обычного права, либо проблеме иностранного влияния на развитие суда и процесса в соответствующих государствах. Таким образом, речь идет уже о процессе упадка ханского правосудия на основе принципов и норм монгольского имперского права, продолжавшего действовать в течение нескольких веков после распада Монгольской империи.

В ряде работ о суде и процессе в Крымском, Бухарском и Хивинском ханствах лишь кратко упоминается о ханской судебной компетенции, тогда как подробно раскрыта деятельность шариятских су-

---

¹ Сразу отметим, что в нижеприведенный обзор мы не включаем публикации, посвященные общей истории отдельных тюрко-монгольских государств, в которых авторы кратко затрагивали вопрос о суде и процессе. Отсылки к ряду таких работ будут даны в рамках анализа конкретных казусов.

дей-кади [Абибуллаева, 2016; Аметка, 2004; Аметка, Хаваджи, 2019; Ваниев, 2022; Лунев, 2004, с. 100–106; Мухитдинов, 2020; Рустемов, 2015; 2016а; 2016б; Сартори, 2022, с. 68–142; Юсупов, 2016; Çiğdem, 2005а; 2005б; 2005с; 2010; 2011]. Лишь отдельные исследования посвящены истории именно ханского суда в Крыму [Krolikowska-Jedlinska, 2015] и Хиве [Абдурасулов, 2013; 2015].

Изучая вопросы суда и процесса в Казахской степи, специалисты уделяют внимание преимущественно правосудию выборных народных судей — биев, действовавших на основе обычного права (см., в частности: [Зиманов, 2008; Мажитова, 2016; Фукс, 2008, с. 466–593]). В некоторых работах рассматривается суд биев в период пребывания казахов в составе Российской империи и, соответственно, русское влияние на этот институт (см., например: [Мартин, 2012, с. 104–131]). К ханскому правосудию в Казахской степи исследователи практически не проявляют интереса — вероятно, в силу отсутствия достаточного количества источников.

Обращаясь к изучению организации суда и процесса в Монголии XVII — начала XX в., специалисты прежде всего исследуют вопрос о постепенном распространении на эти институты влияния законодательства империи Цин, которое выражалось в урезании местных ханов и владетельных князей (дзасаков), а также в усилении контроля за их судебной деятельностью со стороны маньчжурских чиновников. Подобные тенденции исследователи рассматривают как на основе анализа историко-правовых памятников [Heuschert-Laage, 2011; 2012; 2017; Тутаев, 2021б], так и на примерах конкретных судебных дел [Bawden, 1969а; 1969б].

Таким образом, можно констатировать, что история суда и процесса в тюрко-монгольских государствах рубежа XII–XIII — начала XX в. — тема довольно специфическая и не всегда в достаточной степени освещенная в источниках, что и обусловило весьма скромное внимание к ней исследователей. Кроме того, большинство авторов сосредотачивается на изучении системы органов, осуществлявших правосудие, статусе судей и источниках принятия решений, тогда как анализ непосредственно процессуальных действий в исследовательской литературе практически не представлен. Настоящая книга является первой попыткой устранить этот пробел и дать комплексную характеристику развития ханского правосудия, т.е. функционирования судов, основанных на принципах и нормах монгольского имперского права, в которых правосудие осуществлялось либо самими ханами, либо назначенными ими судьями, действовавшими в соответствии с

ханскими предписаниями, причем преимущественно на основе анализа конкретных судебных разбирательств.

Источниковую базу нашего исследования составил широкий круг историко-правовых и в большей степени общеисторических памятников. К первым относятся, в частности, ярлыки ханов Монгольской империи, ее улусов и последующих государств-преемников. До нашего времени дошли отдельные образцы ярлыков, касающиеся организации судебной деятельности в монгольском Иране [Нахчивани, 1976, с. 29–32 араб. паг.; Hammer-Purgstall, 1840, S. 466–468] (см. также: [Мелиоранский, 1900; Хатиби, 1985, с. 103–104; Vásáry, 2016a]). Сохранились документы, связанные с одним длительным судебным процессом в Золотой Орде [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 185–217]. Довольно большое число ярлыков Крымского ханства представляет собой судебные решения по искам отдельных групп подданных (см., например: [Фиркович, 1890, с. 63–102]). Сравнительно недавно в научный оборот была введена целая коллекция ярлыков, представляющих собой результаты ханского правосудия в Хивинском ханстве [Sagtori, Abdurasulov, 2020].

Однако гораздо больше сведений о суде и процессе, включая конкретные разбирательства, содержится в нарративных источниках. Среди таковых следует прежде всего назвать памятники монгольской имперской историографии — «Сокровенное сказание» [Козин, 1941]; «История завоевателя мира» [Джувейни, 2004], «Сборник летописей» [Рашид ад-Дин, 1952a; 1952б; 1960], «Юань ши» [Золотая Орда..., 2009; Анналы..., 2019]. Отдельные сообщения о судебных разбирательствах в государствах Чингисидов — наследниках Монгольской империи можно обнаружить также в памятниках, содержащих информацию о Золотой Орде [ПСРЛ; СМАЗО], монгольском Иране [Ахари, 1984; Рашид ад-Дин, 1946; Хафиз Абру, 2011], Чагатайском улусе [Бабур-наме, 1992; Ибн Арабшах, 2007; Йазди, 2008; Фасих, 1980], Крымском ханстве [Абдуземилев, 2018a; 2018б; 2019; Абдулгаффар Кырыми, 2018].

Большой интерес представляют записки путешественников, которые могли быть свидетелями (или даже участниками) судебных разбирательств либо получали информацию о суде и процессе в тюрко-монгольских государствах из первых рук — от непосредственных участников и свидетелей. Сохранились такие документы, относящиеся к Монгольской империи [Книга..., 1997; Плано Карпини, 2022; Рубрук, 1997], Золотой Орде [Хаутала, 2019], Чагатайскому улусу [Клавиho, 1990; Шильтбергер, 1984], Крымскому ханству [Броневский, 1867; Михалон Литвин, 1994; Калашников, 2013; Пейссонель, 2013; Эвлиа

Челеби, 1996; 2008], Джунгарскому ханству [Унковский, 1887], ханствам Средней Азии [Вамбери, 2003; Трионов, 1910]. Значительную ценность представляют труды представителей российской имперской администрации, в которых нашли отражение сведения об упадке ханского правосудия в Казахской степи и ханствах Средней Азии (см., например: [Материалы..., 1940; 1948; История..., 2002]; см. также: [Абдурасулов, 2015]).

Наконец, нельзя обойти вниманием произведения народного творчества, которые отражают оценки и отношение различных слоев общества в тюрко-монгольских государствах к суду и судьям. В качестве примера можно привести многочисленные эпические произведения [Идегей, 1990], сказки [Носов, 2015; Носов, Сэцэнбат, 2020], пословицы и поговорки [Кульганек, 2017; Лупарев, 2014] и т.д.

Сочетание сведений вышеперечисленных источников позволяет создать, полагаем, достаточно объективную картину эволюции ханского права в тюрко-монгольских государствах с учетом особенностей развития в различных регионах и в разные эпохи.

Книга состоит из трех частей, в которых последовательно рассматриваются основные этапы развития ханского правосудия в тюрко-монгольских государствах. Первая часть посвящена становлению суда и процесса на раннем этапе развития Монгольской империи. Во второй части рассматривается период расцвета ханского правосудия и различные формы его проявления. Соответственно, эта часть, как самая объемная, разделена на тематические главы, посвященные различным аспектам истории суда и процесса в тюрко-монгольских государствах. Наконец, в третьей части анализируются примеры и причины упадка (кризиса) ханского правосудия, который оно переживало в разное время в различных странах и регионах Евразии и по разным причинам. В заключении подводятся итоги проведенного исследования: систематизируется информация об основных институтах процессуального права, характерных для системы ханского правосудия в тюрко-монгольских государствах.

Ряд очерков, вошедших в книгу, был опубликован ранее в виде статей в специализированных журналах или представлен на конференциях в форме докладов. Включая их в книгу, я доработал их содержание, приведя в соответствие с общей концепцией исследования, в ряде случаев обновил библиографию по исследуемой тематике.

Завершая введение, считаю своим приятным долгом выразить благодарность тем друзьям и коллегам, без которых написание этой книги было бы невозможным.

Прежде всего хотелось бы сердечно поблагодарить своих дорогих соавторов, в сотрудничестве с которыми написан ряд очерков, — Ю.В. Дробышева (ИВ РАН, Москва), Д.А. Носова (ИВР РАН, Санкт-Петербург), Л.Ф. Абзалова, М.С. Гатина (КФУ, Казань), И.А. Мустакимова (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана).

Выражаю также искреннюю благодарность многочисленным коллегам, которые в процессе написания данной книги консультировали меня, предоставляли мне возможность ознакомиться с источниками и исследованиями и обнародовать промежуточные результаты работы на научных мероприятиях и в виде статей, — А.В. Белякову, А.Д. Васильеву, Д.В. Васильеву, П.И. Гайденко, Д.В. Жигульской, И.В. Зайцеву, А.И. Кобзеву, Н.В. Руденко, Ж.С. Сыздыковой, В.В. Трепавлову (Москва), В.А. Беляеву, Д.В. Волужкову, И.В. Герасимову, А.А. Дорской, К.А. Костромину, И.В. Кульганек, Ю.А. Иоаннесяну, А.В. Майорову, Т.А. Пан, М.С. Пелевину, С.В. Сидоровичу, Т.Д. Скрынниковой, А.В. Сумину, А.Г. Юрченко (Санкт-Петербург), И.К. Загидуллину, И.М. Миргалееву (Казань), Ю.В. Селезневу (Воронеж), Ю.В. Оспенникову (Самара), Д.В. Сеню (Ростов-на-Дону), В.В. Кукановой (Элиста), С.В. Любичанковскому (Оренбург), Д.Н. Маслюженко (Курган), А.А. Васильеву, Ю.А. Лысенко (Барнаул), А.К. Кушкумбаеву, Л.К. Мукатаевой (Астана), Н.А. Атыгаеву, К.З. Ускенбаю (Алма-Ата), Г.Б. Избасаровой (Актобе), З.К. Картовой (Петропавловск), И. Кемальоглу (Стамбул), моим многоуважаемым рецензентам А.В. Ильину и В.А. Воропанову, коллективу Издательского дома Высшей школы экономики — за постоянную поддержку моих проектов и неизменно высокое качество редактирования и издания и, конечно же, моей супруге Ирине и сыновьям Михаилу и Даниилу.

*Санкт-Петербург,
май 2023 г.*

Часть первая
НАЧАЛО ХАНСКОГО
ПРАВОСУДИЯ

Возникновение ханского правосудия в тюрко-монгольском мире, несомненно, следует связывать с государственной деятельностью Чингис-хана, при котором суд и процесс фактически приобрели публично-правовой характер и стали считаться неотъемлемой властной прерогативой самого основателя Монгольской империи, а впоследствии — его потомков и других правопреемников, правивших в тюрко-монгольских государствах, в разных регионах Евразии. В настоящей главе анализируется процесс превращения суда, который вершили вожди тюркских и монгольских кочевых родов и племен на основе обычного права, в суд, чинимый верховным правителем или чиновниками по его поручению на основе вновь созданного имперского права.

§ 1. Расправа Чингис-хана с Сача-бэки как начало эпохи ханского правосудия

Конфликт Чингис-хана с его родственником Сача-бэки, приведший к поражению и казни последнего¹, неоднократно привлекал внимание исследователей — благо, что сведения об этих событиях сохранились в большом количестве источников по ранней истории Монгольской империи. При этом одни авторы анализируют указанные события в контексте политической истории и политической антропологии, другие пытаются на их основе вывести некие личные черты и качества самого Чингис-хана. В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть действия Чингис-хана против Сача-бэки как одно из ранних проявлений (а возможно, и самое раннее) ханского правосудия, которое в дальнейшем станет неотъемлемой прерогативой монархов Монгольской империи.

Сача-бэки, глава родового подразделения кият-юркин (кият-джуркин), был старшим родственником (троюродным братом) Тэмуджина [Скрынникова, 2013, с. 77], однако в 1180-е годы принимал участие в возведении его на ханский трон под именем Чингис-хана. Несмотря на формальную поддержку кандидатуры младшего родственника, он всячески подчеркивал свое равенство с ним и не намеревался признавать его верховенство [Акимбеков, 2011, с. 150–151]². Неоднократно он демонстрировал это, идя на обострение отношений с Чингис-ханом. Сначала это была подробно описанная в средневековых источниках ссора на пиру, которая началась из-за «местничества» членов правящего семейства³ и вылилась в драку между сторонниками Чингис-хана и Сача-бэки (при этом последних довольно сильно

---

¹ Исследователи, опираясь на данные разных источников, датируют эти события от 1195 до 1201 г.

² По обоснованному мнению Т.Д. Скрынниковой, до избрания Тэмуджина в ханы именно Сача-бэки считался главным предводителем рода, на что указывает и его титул бэки [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 346]. Рашид ад-Дин вложил в уста одного из сторонников Чингис-хана слова о том, что Сача-бэки сам стремился стать ханом [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 177].

³ Пристальное внимание к этому пиру во многом объясняется символической ролью таких мероприятий, на которых, во-первых, демонстрировалось единство правящего рода, а во-вторых, происходило распределение должностей и обязанностей — потому и имела принципиальную важность рассадка гостей и

поколотили), затем — отказ от участия в боевых действиях против общих врагов (татар, найманов и проч.) и, наконец, нападение на кочевье Чингис-хана и его разграбление в то время, когда сам хан был в походе. Именно последние действия кият-юркинов вызвали быструю и решительную реакцию Чингис-хана, который, вернувшись из похода, внезапно напал на Сача-бэки, разгромил его, пленил и приказал казнить вместе с братом Тайчу, а все их владения присоединил к собственным.

Обоснованным представляется мнение Л.Н. Гумилева о том, что Сача-бэки, его родичи и подданные, нападая на кочевье Чингис-хана, действовали в соответствии со старинными степными обычаями: так они решили посчитаться за то, что их поколотили во время ссоры на пиру [Гумилев, 1992б, с. 299]⁴. Однако сам Чингис-хан расценил их действия уже в соответствии с новыми, изменившимися условиями и воспринял как преступление, за которое должно было последовать суровое наказание. Именно это его решение и дальнейшие решительные и жестокие действия в отношении Сача-бэки, по нашему мнению, знаменуют начало ханского правосудия в Монгольской империи — суда хана как главы государства, а не как прежнего военного предводителя, действовавшего на основе степного обычного права.

Средневековые авторы неоднозначно трактовали и оценивали действия Чингис-хана в разные периоды. Так, в самом раннем источнике — «Сокровенном сказании», которое принято датировать 1240 г. (как считается, оно создано современниками самого Чингис-хана), расправа с Сача-бэки описывается с известной долей осуждения действий хана, который «знаменитых людей сокрушил», а они были «действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые» [Козин, 1941, с. 114—116; Палладий, 1866, с. 67—68; Rachewiltz, 2004, р. 58—59]. Исследователи на основании этой трактовки высказывают мнение, что Чингис-хан в данных событиях проявил жестокость, коварство,

---

очередность поднесения чаш [Крамаровский, 2012, с. 36—43; Скрынникова, 2005, с. 116—117].

⁴ Подобный способ «получения компенсации» за действительные или мнимые обиды путем набега на обидчика и похищения его скота или иного имущества еще в течение многих веков действовал в Великой Степи. Наиболее подробно он освещен в исследованиях по истории казахов, у которых этот обычай носил название «барымта» («баранта») и долгое время считался способом внесудебного урегулирования конфликтов, будучи лишь в XIX в. признан российскими имперскими властями преступлением, влекшим уголовное наказание [Фукс, 2008, с. 420—465; Мартин, 2012, с. 161—178].

зависть к старшим родственникам и намерение избавиться от всех конкурентов на престол [Барфилд, 2009, с. 298; Кычанов, 1995, с. 103; Хартог, 2007, с. 32; Хоанг, 1997, с. 123–124].

Придворный историограф персидских ильханов Рашид ад-Дин на рубеже XIII–XIV вв. интерпретирует события иначе, чем автор «Сокровенного сказания»: по его версии, Чингис-хан до последнего старался «снискать расположение племени юркин», предпринимая попытки примириться с ним и поделить военную добычу, захваченную даже в тех походах, в которых кият-юркины не участвовали⁵. А когда те своим поведением вынудили его на ответные действия, он постарался обосновать их тем, что... действовал в интересах своего союзника Ван-хана — правителя кераитов, с которым вместе ходил в поход против татар, когда Сача-бэки напал на его кочевья [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 93]. Французский исследователь Р. Груссе полагал, что эта ссылка на интересы Ван-хана должна была придать легитимный характер действиям Чингис-хана, которые на самом деле сильно отличались от прежней реакции на подобные степные набеги [Grousset, 2000, p. 204]. Кстати, именно у Рашид ад-Дина впервые появляется сообщение о том, что Чингис-хан совершил против Сача-бэки не один, а два похода: во время первого он только разгромил кият-юркинов, а во время второго (уже вместе с Ван-ханом) настиг, схватил и приказал казнить их вождя [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 110–111].

Аналогичным образом трактуются анализируемые события и в другом образце монгольской «имперской» историографии — династийной истории «Юань ши», составленной в 1369 г.: ее составители упоминают, что Сача-бэки и его сторонники не только совершили все вышеперечисленные действия против Чингис-хана, но и посягнули на его посланцев, убив десятерых, а остальных ограбив и прогнав [Бичурин, 2005, с. 22; Золотая Орда..., 2009, с. 131]⁶. С точки зрения имперского права не только сами такие посланцы были неприкосновенны, но и переданное ими приказание требовало неукоснительного выполнения, так что Сача-бэки в такой интерпретации был виновен

⁵ В связи с этим нельзя не обратить внимание на предположение Р.П. Храпачевского о том, что «терпеливость» Чингис-хана к кият-юркинам после столь откровенных проявлений их враждебности объясняется тем, что хану было необходимо собраться с силами после недавней междоусобицы [Храпачевский, 2005, с. 93–94] (ср.: [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 346–347]).

⁶ Аналогичная трактовка имеет место и в поздней маньчжурской версии истории Чингис-хана и его потомков ([История..., 2011, с. 27–28]; см. также: [Howorth, 1876, p. 54]).

в серьезном государственном преступлении. Примечательно, что число жертв, упомянутых в «Юань ши», в принципе соответствует числу пострадавших сторонников Чингис-хана, упомянутому в «Сокровенном сказании», но — при набеге Сача-бэки на его кочевье: автор, писавший в 1240 г., еще не проникся имперской правовой идеологией и для него расправа именно с ханскими посланцами не была таким принципиальным моментом, как для «имперских» историков. Как и Рашид ад-Дин, составители «Юань ши» упоминают о двух походах Чингис-хана против Сача-бэки [Золотая Орда..., 2009, с. 131–132; История..., 2011, с. 28].

Обращаясь к более поздней интерпретации этих событий в монгольских сочинениях, можно выделить среди них два направления. Первое, представленное, в частности, автором первой половины XIX в. Джамбадорджи, в принципе, следует ранее заданной имперской традиции [Джамбадорджи, 2005, с. 79]. Гораздо больший интерес представляют образцы «монгольской буддийской историографии», в которых действия Чингис-хана трактуются и соответственно одобряются даже не столько с имперской, сколько с религиозной точки зрения. В представлении таких авторов он является чакравартином, «перерождением Хормусты-тэнгри», стремившимся установить верховную власть с целью распространения «истинной веры», а те, с кем он сражался, — «плохими, чужими ханами». В их число оказался включен и Сача-бэки [Желтая история, 2017, с. 81, 114; Лубсан Данзан, 1973, с. 245], чье близкое родство с Чингис-ханом по вполне понятным причинам в подобного рода сочинениях не упоминается.

Таким образом, анализ различных источников, по нашему мнению, достаточно последовательно отражает эволюцию взглядов монгольской элиты (к каковой относились и составители исторических сочинений) на действия Чингис-хана в отношении своего родственника: от осуждения излишней жестокости и мести за действия, в общем-то не считавшиеся преступными (в ранних источниках), до полного одобрения действий монарха, стремившегося поддерживать единство и законность в своих владениях. Кроме того, сведения о расправе Чингис-хана с Сача-бэки проливают свет на некоторые особенности судебного процесса в ранней Монгольской империи.

Теперь обратимся к историческим сочинениям как источнику сведений о судебном процессе в ранней Монгольской империи. На первый взгляд никакого суда над Сача-бэки, его братом Тайчу и другими сторонниками не было: хан сначала озвучил перед своими сторонниками причины, по которым намеревался предпринять действия

против кият-юркинов, а затем, схватив их, быстро отдал приказ об умерщвлении. Однако, как представляется, с формально-юридической точки зрения эти сведения можно трактовать несколько иначе.

Во-первых, сам факт «перечисления обид» Чингис-ханом в известной степени можно признать как «обвинительное заключение» против Сача-бэки: монарх объявляет преступными те действия, которые прежде к таковым не относились, и обвиняет кият-юркинов не просто в продолжении практики степных междоусобиц, а в посягательстве на его власть и на порядок государственного управления⁷. Отсюда — столь подробное перечисление всех тех деяний, которые совершили Сача-бэки и его подданные (этот перечень содержат практически все проанализированные источники [Джамбадорджи, 2005, с. 79; Золотая Орда..., 2009, с. 131; Козин, 1941, с. 114; Рашид ад-Дин, 1952б, с. 93]; см. также: [Акимбеков, 2011, с. 157]): «по совокупности дел» они и заслужили быстрого, неотвратимого и сурового наказания. Таким образом, по сути, слова Чингис-хана являются результатом своего рода «заочного разбирательства», завершившегося вынесением «обвинительного заключения», исполнителем наказания по которому он также стал сам.

В связи с этим следует дать формально-юридическое толкование и содержащемуся в имперской историографии сообщению о двух походах Чингис-хана против Сача-бэки. Первый поход, таким образом, являлся наказанием за совершенные преступления против хана и государства. Второй же последовал по той причине, что преступники не образумились, не явились с повинной, а бежали, тем самым усугубив свою вину, за что и заплатились жизнью.

Описание самой расправы с Сача-бэки и его братом Тайчу также представляет интерес с точки зрения монгольского судебного процесса. В «Сокровенном сказании» этот эпизод излагается следующим образом: «После поимки он сказал Сача и Тайчу: “О чем вы согласились прежде?”. В ответ Сача и Тайчу сказали: “Мы не соблюли слова, которые говорили. Теперь поступай с нами в соответствии с ними!”. И соблюдая клятву, вытянули шеи для меча. Заставив их признать их клятву, он казнил их и бросил их тела там и тогда» [Rachewiltz, 2004,

---

⁷ Р.П. Храпачевский считает, что Чингис-хан нашел возможность «в соответствии с традициями отомстить чжурки» [Храпачевский, 2005, с. 96]. Позволим себе с этим не согласиться: в соответствии с традициями хан совершил бы ответный набег, а не стал бы добиваться наказания своих соперников как государственных изменников.

р. 59]. Весьма примечательно, что в данном случае достаточно четко воспроизведена процедура «судебных прений», которая широко использовалась у монголов и в имперскую эпоху, и в более поздние времена. Речь идет о своеобразном состязательном процессе, в ходе которого выдвигались обвинения и обвиняемому давался шанс опровергнуть их собственными показаниями. Таким образом, Чингис-хан не просто приказал казнить схваченных противников, а устроил судебное заседание, предоставив им возможность защищаться. В результате Чингис-хану удалось доказать свои обвинения, а Сача-бэки и Тайчу были вынуждены признать, что действительно нарушили клятву, данную хану при его возведении на трон, и отдаться на его волю. Учитывая серьезность обвинений (вот зачем понадобилось «обвинительное заключение!»), Чингис-хан имел все основания приговорить их к смерти, что он и сделал, одновременно проявив себя в качестве сурового, но справедливого верховного судьи в своем государстве и избавившись от действительно сильного соперника в борьбе за власть.

Тот факт, что Сача-бэки и Тайчу были казнены именно как государственные преступники, подчеркивается упоминанием о форме их казни. Большинство источников лишь информирует о том, что Чингис-хан «покончил с ними», «истребил», «уничтожил их» и т.п.⁸ Однако, на наш взгляд, наиболее ценным является вышеприведенное сообщение «Сокровенного сказания», согласно которому он «бросил их тела там и тогда»: и в дальнейшем в Монгольской империи и ханствах Чингисидов государственных преступников запрещалось хоронить, их тела долгое время лежали (или висели) для всеобщего обозрения.

Проведенный анализ, как представляется, позволяет датировать начало ханского правосудия в тюрко-монгольском мире именно данным делом: впервые хан стал вершить суд не на основе прежних степных обычаев (как старший среди равных родо-племенных предводителей), а как носитель верховной власти, истолковывая действия, направленные против него, как посягательство на государственное управление и нарушение закона⁹. Столь радикальный отход от прежних степных обычно-правовых традиций заставил Чингис-хана при-

---

⁸ М. Хоанг вообще утверждает, что Сача-бэки и Тайчу «обезглавили», хотя таких сведений ни в одном источнике не содержится [Хоанг, 1997, с. 124].

⁹ Т.Д. Скрынникова в принципе связывает возникновение монгольского судопроизводства с деятельностью Чингис-хана в начале XIII в. [Скрынникова, 2002, с. 164]. По мнению С. Акимбекова, это событие стало поворотным моментом и в истории монгольской государственности [Акимбеков, 2011, с. 157–158].

бегнуть к созданию собственной системы правовых норм, нашедших отражение, в частности, в записи вынесенных судебных решений в специальный реестр «Коко Дефтер-бичик» («Синяя роспись»), который должен был служить источником для последующих судей [Козин, 1941, с. 160]. Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые процессуальные действия, осуществлявшиеся в данном случае, имели традиционное происхождение. Так, «перечисление обид» вовсе не было изобретением Чингис-хана: подобные обвинения своим противникам оглашали и его предшественники, и он сам перед походами. Аналогичным образом процедура вопросов и ответов, на основе которых и принималось решение в спорных ситуациях, упоминается не только в сочинениях имперского периода (см., например: [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 95–96]), но даже и в монгольском народном фольклоре [Носов, 2015].

Таким образом, Чингис-хан создал прецедент ханского правосудия, отдельные направления подсудности и пределы компетенции которого еще предстояло определить ему самому и его ближайшим преемникам.

§ 2. Судебная практика в государственной политике Чингис-хана¹⁰

Расправа с предводителем рода кият-джуркин Сача-бэки ознаменовала начало эпохи ханского правосудия, т.е. вынесения ханом решений и приговоров на основании его собственной квалификации тех или иных деяний, которые в прежние времена могли восприниматься как реализация степных обычаев, не содержащая признаков противоправности. При этом степень тяжести тех или иных деяний, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность того или иного лица в конкретных условиях, — все это оставалось на усмотрение самого Чингис-хана. В данном параграфе предпринимается попытка проанализировать некоторые ханские решения в связи с приходом к нему на службу отдельных лиц. Наш интерес привлек тот факт, что в зависимости от обстоятельств хан мог оценить одни и те же действия либо как предательство, либо как заслугу. Соответственно, свою цель мы видим в том, чтобы объяснить причины принятия

---

¹⁰ Параграф подготовлен в соавторстве с канд. ист. наук, с.н.с. ИВ РАН Ю.И. Дробышевым.

Чингис-ханом различных судебных решений при сходных объективных обстоятельствах.

В процессе объединения Великой Степи под своей властью Чингис-хан¹¹ неоднократно сталкивался с приходом к нему на службу различных лиц и целых родо-племенных объединений. Порой обстоятельства их появления в лагере будущего основателя Монгольской империи были настолько сомнительны, что ему приходилось принимать хорошо взвешенные решения о том, как отнестись к их поступкам. По сути, это были настоящие судебные решения, представляющие собой правовую квалификацию и оценку действий потенциальных подданных Чингис-хана, и от этих решений во многом зависело отношение к личности и статусу хана со стороны его приверженцев, а равно и других акторов степной политики.

Основным источником для анализа является «Сокровенное сказание монголов», в необходимых случаях также привлекаются другие средневековые исторические сочинения — монгольские, китайские, персидские и проч. Кроме того, мы учитываем мнения исследователей, уделявших внимание оценке тех или иных поступков Чингис-хана и его современников. В рамках анализа нас заинтересовали как содержательные аспекты (включая обоснование Чингис-ханом принятых в отношении этих лиц решений), так и процессуальные, отражающие сам механизм принятия таких решений — приговоров ханского суда.

Первый сюжет связан с приходом некоего Хорчи, который, будучи родственником и, вероятно, вассалом Джамухи, прибыл в лагерь его *анды*-побратима — тогда еще Тэмуджина, объяснив свое желание поступить к нему на службу вещим сном, который предрекал возвышение будущего Чингис-хана [Козин, 1941, с. 107; Палладий, 1866, с. 60–61]. Мнения исследователей по поводу поступка Хорчи разнятся. Так, Л.Н. Гумилев вполне однозначно характеризует его как предательство по отношению к своему родственнику Джамухе и негативно оценивает благорасположение к нему Тэмуджина [Гумилев, 1992б, с. 293]. В.А. Злыгостев считает, что Хорчи имел право сам выбирать себе сюзерена, будучи предводителем собственного рода [Злыгостев, 2018, с. 646]. Последнее мнение представляется достаточно обосно-

---

¹¹ Как известно, Тэмуджин получил титул Чингис-хана лишь на курултае 1206 г., однако мы считаем возможным использовать его и при анализе более ранних событий во избежание путаницы в связи с упоминанием большого количества имен в рамках настоящего исследования.